

DOI 10.15407/sociology2020.03.033
УДК 316.342

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко (79000, Львов, ул. Университетская, 1)

NATALIA KOVALISKO,

Doctor of Sciences in Sociology, Professor at the Department of Sociology, Faculty of History, Ivan Franko National University of Lviv (1, Universitetetska St., Lviv, 79000)

kovalisko@mail.lviv.ua

<https://orcid.org/0000-0002-1466-6132>

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

SERHII MAKEEV,

Doctor of Sciences in Sociology, Head of the Department of Social Structures, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

i-soc@i-soc.org.ua

<https://orcid.org/0000-0002-4418-8741>

Разнообразие и относительная автономность представлений населения Украины о социальном неравенстве

Разбирая недостатки капитализма с вызывающей уважение неустанностью, адепты критической теории считают — и, надо думать, справедливо — частную собственность, рынок и предпринимательство едва ли не монопольными социальными мощностями, генерирующими неравенство. Отсюда проистекает уверенность в центральности проблемы неравенства для социально-экономических наук, политической и общественной повестки дня в тот период, который А. Азманова называет “кризисом кризиса капитализма” в книге “Капитализм у пропасти”, изданной университетским изда-

---

Цитирование: Ковалиско, Н., Макеев, С. (2020). Разнообразие и относительная автономность представлений населения Украины о социальном неравенстве. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 33–50.

тельством Оксфорда с картиной “Сизиф” двух украинских художников¹ на обложке [Azmanova, 2020].

Однако проблема социально-экономического неравенства отсутствовала в политической повестке дня все первые два десятилетия XXI века, и если и есть какие-либо поводы ей туда вернуться в ближайшей перспективе, то не особенно основательные. С ключевой причиной никак не ошибиться: пандемия COVID-19 настоятельно потребует сосредоточиться на обновленном порядке актуальности и настоятельности, на определенных ею (пандемией) процессах и состояниях, управление которыми будет происходить в условиях дефицита материально-финансовых ресурсов, необходимых знаний и умений. К тому же модернизационные и реновационные мероприятия будут осуществляться на фоне изменившихся ожиданий и настроений различных категорий населения. И никто не возьмется предсказать, какие из них ускорят, а какие затормозят ход восстановления хозяйственной, культурной и социальной жизни.

Быть может, предсказуемые и неожиданные последствия COVID-19 способны привести к скорее кратком-, чем долгосрочному реваншу равенства в противостоянии с углубляющимся уже полвека экономическим неравенством. Обоснованность такого ожидания тщательно аргументирует профессор из Стэнфорда В. Шайдель в книге по истории неравенства от каменного века до нынешнего. В ней война, революция, распад государства и пандемия рассматриваются как могущественные причины (типы насилия), сдерживающие рост экономического неравенства и его сокращающие. Мирные же инициативы, имеющие целью сгладить социальные дисбалансы и асимметрии, никогда не завершались чем-то похожим [Scheidel, 2017: p. 113–342].

Не грозит нам, впрочем, и возвращение проблемы на первые строки повестки дня обществоведения, которые она еще недавно занимала, вызвав к жизни ряд ставших бестселлерами или научными событиями книг разного объёма и побывав предметом рассмотрения на многочисленных конгрессах и конференциях. Однако тут инерция велика, не все проекты завершены, а какие-то, несомненно, находятся в стадии разработки. Со стратификацией, неизбежным основанием совместной жизни людей, непрерывно что-то не упрощающее понимания происходит, не позволяя остыть исследовательскому интересу. К тому же и специализация, к которой причастны вместе со многими другими и авторы данной статьи, обязывает подтверждать статус в профессии.

Социологи, изучающие социальное неравенство (стратификацию) в рамках соответствующей субдисциплины, имеют дело преимущественно с отчетами респондентов о том, какими видятся и представляются им иерархически упорядоченные условия и обстоятельства совместной жизни в конкретных национально-государственных границах. Некоторые исследователи говорят о том, что опрашиваемые являются носителями любительской (дилетантской) социологии неравенства, однако сложной по источникам формирования и, главное, оказывающей серьезное влияние на установки индивидов и их предрасположенности действовать [Irvin, 2018: p. 224–225; Pain, 2017].

---

¹ Речь идет о дуэте художников Владимира Манжоса и Алексея Бордусова, известных под брендом “Интересные сказки”.

В существующем массиве литературы по данному предмету выделим то немногое, что имеет непосредственное отношение к заявленной теме статьи. Информативной и полезной является почти не замеченная сообществом книга Т. Фараро и К. Косака “Генерирование образов стратификации: формальная теория” [Farago, Kosaka, 2003]. Имеются в виду образы расположения себя респондентами в иерархично организованных социальных пространствах. Занимая некие определенные, дистанцированные друг от друга позиции, они вырабатывают и фиксируют определенные образы неравенства, которые обусловлены углом зрения, под которым они видят стратификацию из перспективы собственной позиции. По мнению авторов, в фокусе социологических интерпретаций должны находиться три типа внутренне гетерогенных образов: *структуры* — насколько дифференцированно и в каких терминах индивиды воспринимают и описывают социальную структуру; *формы* — какую конфигурацию образуют структурные элементы общества; *самоотнесение* — идентификация себя с какими-либо классом или стратой [Farago, Kosaka, 2003: p. 43–46; 53–55].

В созданную ими аксиоматическую модель подставлялись данные по 5 признакам, каждый из которых имел 5 градаций: доход, образование, престиж профессии, стиль жизни, накопленное имущество (данные исследования стратификации и мобильности в Японии). Рассчитывалась “теоретическая локализация” из 21 класса, редуцируемая к 5 обобщенным: высший, верхний средний, нижний средний, верхний низший, нижний низший. Респондентов просили также расположить себя на шкале из 10-ти пунктов, сводимых в те же 5 категорий. Проведенные расчеты показали, что с “теоретической” локализацией” наиболее согласована самоидентификация на шкале [Farago, Kosaka, 2003: p. 182–191].

Известно также, что индивиды стремятся представлять себя и считать себя не хуже анонимных “других”, не допуская такого понижения самооценки, которое способно заметно ухудшить эмоциональное и социальное самочувствие, стать источником стресса или депрессии. При этом поддерживается высокая (или даже завышаемая) значимость той социально-экономической ситуации, в которой они постоянно или временно пребывают. Одновременно формируется и доминантный статус узнавания “других”: преимущественно такие же, как я, обыкновенные люди, имеющие похожие жизненные проблемы и трудности. Что не мешает, разумеется, замечать непохожих — тех, кто беднее или богаче, — или вступать с ними в контакт, пусть даже только зрительный. В опросах надежно зафиксировано, что респонденты предпочитают отмечать средние пункты шкалы в анкетах при ответах на вопрос об их месте в иерархических порядках [Irvin, 2018: p. 212–220; Gimpelson, Treisman, 2015: p. 25–26; Berger et al., 2010: p. 159–160; Lindemann, Saar, 2014: p. 18].

Кроме того, социологическая интерпретация эмпирических количественных данных о восприятии социального неравенства непременно исходит из трех обстоятельств. Во-первых, оценки неравенства производны от общего социально-экономического и социально-культурного контекста конкретной страны. В результате некие универсальные констатации не имеют места и фактически невозможны. Во-вторых, конкретная позиция, которую занимает индивид, обуславливает особенности видения и восприятия структурных диспропорций. И в-третьих, разнообразие формулировок вопросов о неравенстве в анкетах заведомо предполагает множественность об-

разов, которые не складываются во взаимодополнительную картину, претендуя на обособленность, хотя, вероятно, относительную.

Эмпирическая база и переменные

В сентябре–ноябре 2019 года по заказу кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия” при экспертной поддержке отдела социальных структур Института социологии НАН Украины Киевским международным институтом социологии (КМИС) был опрошен 2001 респондент на подконтрольной Украине территории. Выборка стратифицированная, многоступенчатая, случайная на каждом этапе, ее ошибка с вероятностью 0,95 и без учета дизайн-эффекта не превышает 2,2%. Опрос (один раз в десять лет) проводился по модулю “Социальное неравенство-V” Международного проекта социального исследования (ISSP) с разрешения руководителей проекта.

В статье рассмотрению и интерпретации подлежат следующие переменные: конфигурация социальной структуры в Украине, самоидентификация на воображаемой 10-ступенчатой социальной лестнице, отнесение респондентом себя к определенному классу, частота контактов с людьми более бедными и более богатыми, чем респондент. А также занятость респондента, финансово-материальное положение семьи, уровень образования, тип поселения, регион проживания, возраст и пол в качестве социально-демографических предикторов восприятия неравенства.

Разнообразие и диспропорции в представлениях о неравенстве

Вопросы в анкете являются инструментами социолога, позволяющими получать не совпадающие между собой представления о неравенстве. Самым общим в модуле “Социальное неравенство-V” является вопрос о конфигурации:

<p>Q15a. Эти пять диаграмм отображают разные модели общества. Рассмотрите диаграммы, прочитайте их описания и укажите, какая из них, по Вашему мнению, наиболее точно отображает распределение людей в украинском обществе?</p>				
<p>Тип А</p> <p>Немногочисленная элита наверху, общества, немногие посредине и абсолютное большинство внизу</p>	<p>Тип В</p> <p>Общество как пирамида, немногочисленная элита наверху, более многочисленный слой посредине и наибольшее количество людей внизу</p>	<p>Тип С</p> <p>Подобен пирамиде типа В, но меньше людей находится в самом низу пирамиды</p>	<p>Тип D</p> <p>Общество, в котором большинство людей находится посредине</p>	<p>Тип E</p> <p>Большинство наверху и немногие внизу</p>

На графике (рис. 1) ответы граждан Украины складываются в правильную фигуру, в основании которой тип А. Респонденты массово (53%, то есть больше половины опрошенных) считают, что в стране существует асимметричное, “неправильное” и несправедливое распределение людей в социальной иерархии. В то же время приемлемым, нормальным (модальным в ответе на следующий вопрос о том, какой тип предпочтителен) назван тип D (37%). Ожидание, которое уместно трактовать как должное, заметно отличается от сущего, от того, что индивиды видят.

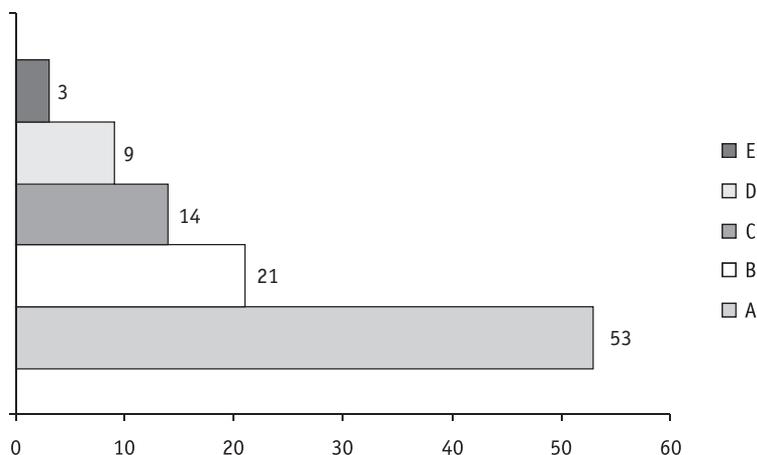

Рис. 1. Распределение людей по типам структуры в Украине (% к определившимся с выбором диаграммы)

Во всех странах-участницах проекта ISSP и во всех волнах модуля “Социальное неравенство” респонденты наиболее часто указывают на один из типов, в Украине модальным назван тип А. Но разброс мнений свидетельствует о том, что люди — как они себе это представляют — пребывают в разных локальностях неравенства в пределах одного государства. Иначе говоря, социальный мир есть мир неравномерно распределенного неравенства, а данный вопрос модуля выясняет, в каком из сегментов такого мира респонденты себя обнаруживают. В нашей стране 53% живут — и осознают это — в “стране глубокого неравенства”, 21% — в “стране менее глубокого неравенства” (тип В), 14% — в “стране умеренного неравенства” (тип С), 9% — в “стране слабо выраженного неравенства” (тип D), 3% — в “стране минимального неравенства” (тип E). Выбравшие тип E фактически заявляют о присутствии им навыке (склонности, диспозиции) не признавать неравенство, особенности которого подробно разбираются в третьей главе книги В. Боттеро “Смысл неравенства” [Bottero, 2020: p. 57–87].

По сравнению с 2009 годом в Украине в 2,3 раза возросла доля тех, кто не смог определиться с выбором диаграммы (18% против 8% — не знают, в насколько стратифицированном мире живут). Обычно в разных странах опцию “трудно сказать” в ответе на данный вопрос выбирают до 10% респондентов. Так, в 2009 году только в трех странах из 38, участвовавших в ISSP, доля была больше: в Австрии 11%, в России 13%, в США — 23% (тогда как в среднем — 5%). Замешательство (и/или безразличие к самой проблеме), в котором пребывал почти каждый пятый гражданин Украины в 2019 году, может быть след-

ствием (не более, чем предположение) событий зимы 2013–2014 года, продолжающейся войны на востоке страны, многих тысяч погибших, миллиона беженцев, заметного снижения уровня жизни, экономического кризиса, массового недоверия к тем политическим силам, которые руководили страной в этот период. Смена власти на выборах в 2019 году привела, как это всегда бывает, к росту позитивных ожиданий, но сами события и их инерция вывели вопрошания о неравенстве за пределы насущной актуальности, попутно деэстабилизируя и сами структуры, и паттерны их восприятия у части граждан. При этом гипотеза о случайном “выбросе” представляется менее вероятной.

В модуле представлены и другие вопросы, предлагающие индивидам отличающиеся способы самоидентификации в том, что можно назвать “жизненным миром неравенства”, миром условий и обстоятельств повседневного существования. Один из традиционных, массово присутствующих в обследованиях разной направленности, касается определения респондентами своего положения на воображаемой социальной лестнице. Если в предыдущем случае объектом оценивания была страна, то теперь респондент соотносит себя с предложенной в анкете шкалой (рис. 2). При этом, в отличие от вопроса о модели общества, на вопрос о самооценке ответили все ($N=2001$) участники интервью.

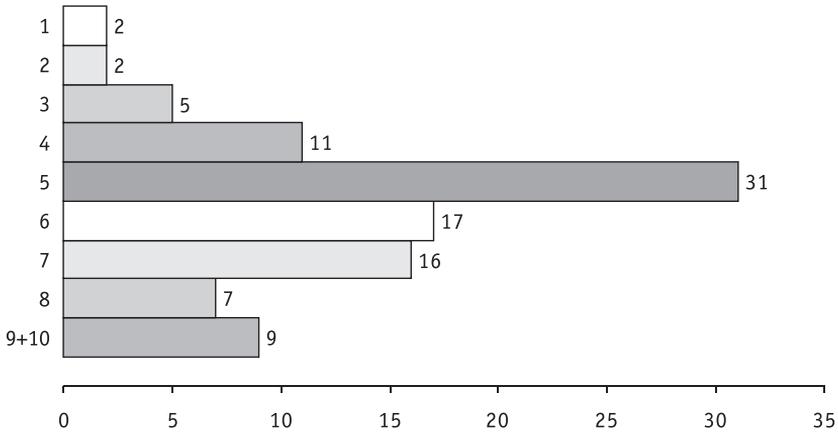

Рис. 2. Распределение респондентов по положению на воображаемой социальной лестнице: “Q13а. В нашем обществе есть группы, занимающие более высокие ступени общественной иерархии, и группы, занимающие низшие ступени. Перед вами лестница, на которой 10 — это высшее положение, а 1 — низшее. На какой ступени Вы разместили бы себя?” (% , 9-я и 10-я ступени объединены)

На средней (модальной), 5-й ступени, в “жизненном мире умеренного неравенства”, локализует себя почти каждый третий гражданин Украины (31%). Что сразу же информирует об отличии от выбора абстрактной модели общества — неравенство в стране как бы одна ситуация, а неравенство, в котором пребываю я, несколько или же заметно иная ситуация. Для более наглядного представления различий и сколько-нибудь оправданной сопоставимости двух рядов данных целесообразно сократить размерность шкалы. Алгоритм такого сокращения не установлен, а возможные комбинации приводят к несовпадающим результатам. Если редуцировать к пяти категориям, то один из вариантов сложился бы в особенную композицию и выгля-

дел бы как на рисунке 3: “жизненный мир глубокого неравенства” (А – 16%), “мир менее глубокого неравенства” (В – 16%), “мир умеренного неравенства” (С – 48%), “мир слабо выраженного неравенства” (D – 16%), “мир минимального неравенства” (Е – 4%).

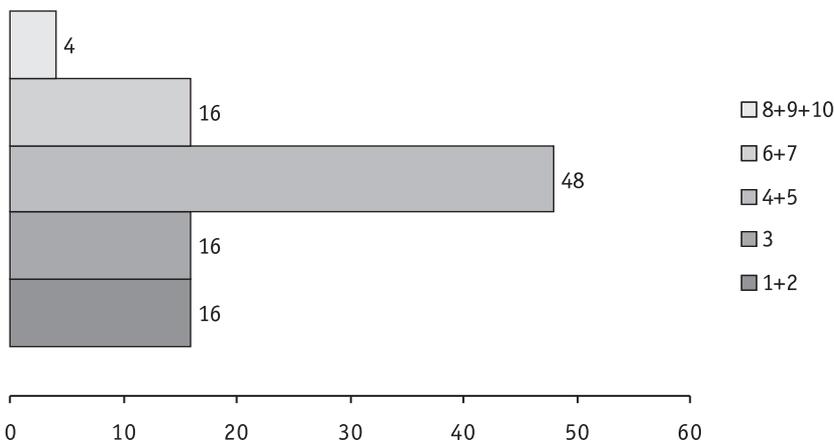

Рис. 3. Редукция к пяти категориям социальной лестницы (%)

Однако если прибегнуть к иным группировкам и оставить модальную пятую позицию в неприкосновенности, то мозаика миров изменится в средней части, поскольку “низ” и “верх” самоочевидны. А – 16%, В – 33%, С – 31%, D – 16%, Е – 4%. По конфигурации такое распределение в наибольшей степени напоминает диаграмму D.

Популярен и еще один прием опознавания контуров социального неравенства, присутствующий и в модуле ISSP: отнесение респондентами себя к одному из шести классов в терминах низшего, рабочего, высшего и дифференцированного среднего (рис. 4).

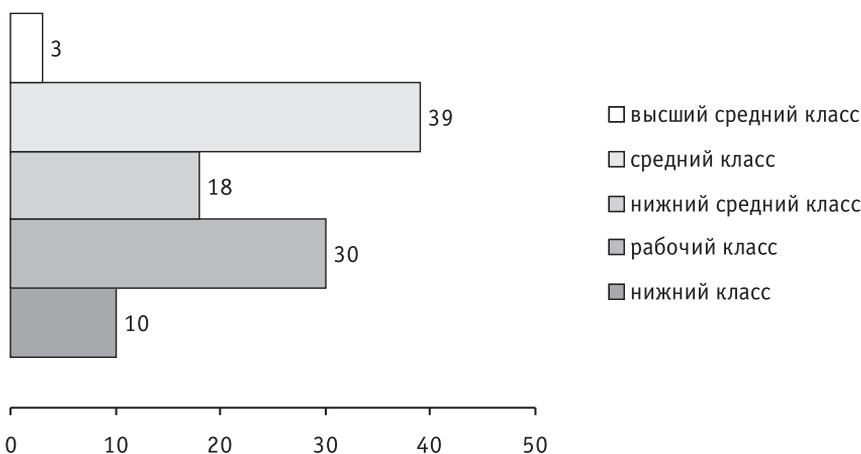

Рис. 4. Распределение респондентов, по самооценкам, среди шести классов: “Q22. Большинство людей обычно относят себя к какому-то социальному классу. Скажите, пожалуйста, к какому классу относите себя Вы?” (% , верхний средний класс и высший класс объединены).

Легко убедиться в том, что абрисы распределения не схожи с диаграммами моделей общества, предложенных респондентам для оценивания. С категорией “средний” соотнесли себя две пятых (39%) опрошенных, а почти каждый третий (30%) отождествил себя с “рабочим классом”, будто избегая стратифицирующих номинаций. Опция “низший класс”, то есть признание принадлежности к “жизненному миру глубокого неравенства”, не пользуется популярностью, она избрана лишь каждым десятым участником интервью (10%). И на первой ступени социальной лестницы (рис. 2) себя разместили 9% респондентов.

Итак, естественным результатом разных формулировок вопрошания о структуре неравенства являются отличающиеся по структуре ответы. Респонденты в ответ на предложенные варианты контекстов оценивания тоже, явно или латентно, апеллируют к неким не совпадающим по содержанию смыслам и значениям. Но вовсе не очевидно, что в точности к тем же самым, что витали в воображении дизайнеров исследования.

Социально-демографические предикторы представлений о неравенстве

Для того чтобы обнаружить и описать влияние некоторых структурных переменных на особенности видения иерархических порядков, использовался метод анализа соответствий (correspondence analyses). Он обнаруживает расстояние, сходство, близость между признаками, сведенными в двумерную матрицу. По своим свойствам это разведывательный метод упрощения содержащейся в таблицах большой размерности информации, представляющий ее в виде двумерного графика с координатами показателей строк и столбцов. Полученные значения инерции с высокой степенью вероятности отклоняют нулевую гипотезу, а значения χ^2 подтверждают такое действие конкретной величиной.

Независимыми переменными, расположенными в строках матрицы, были типы **распределения людей** в украинском обществе (А, В, С, D, E), а также вопросы **“Q17a. Как часто Вы вне дома контактируете с людьми, которые намного беднее, чем вы? Это может быть на улице, в общественном транспорте, магазинах, соседнем районе или на работе”** и **“Q17b. Как часто Вы вне дома контактируете с людьми, которые намного богаче, чем вы? Это может быть на улице, в общественном транспорте, магазинах, соседнем районе или на работе”** с опциями выбора: *никогда, менее одного раза в месяц, один раз в месяц, несколько раз в месяц, один раз в неделю, несколько раз в неделю, ежедневно.*

В столбцах матрицы размещены предикторы — то, что форматирует особенности восприятия неравенства и предпочтений в выборе альтернатив независимых переменных. Без предварительного отбора применены 8 социально-демографических признаков, уточненного набора показателей, способность которых обуславливать и предопределять не оспаривается:

- *уровень образования*: неполное среднее, среднее, профессионально-техническое без среднего образования, профессионально-техническое со средним образованием, незаконченное высшее, диплом бакалавра, диплом магистра;

- *статус занятости*: занятые, безработные, студенты (учащиеся), работающие по дому, пенсионеры;
- *материальный статус семьи*: “Q18a. Говоря о нынешнем **общем** доходе вашего домохозяйства, включая все источники доходов всех членов семьи, насколько сложно или просто для вашего домохозяйства сводить концы с концами?” с опциями выбора: очень сложно, скорее сложно, не сложно, но и не легко, скорее легко, очень легко;
- *тип поселения*: город, село (не использовался в типах распределения людей в украинском обществе в зависимости от социально-демографических характеристик – рис. 5);
- *регион (сведенные в категории области)*: Восток, Юг, Центр/Север, Запад;
- *возраст*: 18–29, 30–44, 45–59, 60 > лет;
- *пол*: женщины и мужчины (не использовался в типах распределения людей в украинском обществе в зависимости от социально-демографических характеристик – рис. 5);
- *классы*: низший, рабочий, нижний средний, средний, верхний средний.

При этом принимается как минимум два упрощения (насчет того, чем исследователь вынужден пренебрегать). Во-первых, допускается, что предикторы полностью автономны, тогда как в действительности они пересекаются, причем иногда значительно. Скажем, “пенсионеры”, мужчины и женщины, “возрастные категории”, присутствуют во всех “классах”. Во-вторых, комплексные предикторы внутренне неоднородны по ряду параметров, что обуславливает неоднородность выборов показателей в независимых переменных. Поэтому “класс” всегда дифференцирован по доли выбравших, например, ту или иную модель общества (А, В, С, D, E), но в анализе соответствий такая дифференциация нивелирована применяемой статистической техникой.

Расположения меток конкретных предикторов интерпретируются как дистанции — ближе или дальше — от некоего геометрического центра (центроида). Одновременно они указывают на степень влияния на формирование центроида. Причем слабое влияние оказывается чаще всего следствием малочисленности соответствующего предиктора (“массы” в статистических терминах).

Полученное двумерное распределение по предпочтениям в выборе типа социальной структуры в Украине представлено на рис. 5. Признаки распределены в четырех квадратах по степени близости между собой. Риск ошибиться с неприятием гипотезы о независимости переменных меньше 0,01%. Тип А (верхний и нижний левые квадраты) значимо чаще назывался в качестве доминантного на Востоке и в Центре страны, пенсионерами, теми, кто признает себя низшим классом и кому крайне сложно сводить концы с концами в удовлетворении материальных потребностей. Удаленность типа обусловлена его массовым выбором в опросе. Заметно, что те же предикторы в значительной степени предопределяют выбор диаграммы В. К “стране менее глубокого неравенства” ближе проживающие на Западе, дистанцировавшиеся несколько отличающимся выбором от населения Востока, Юга и Центра.

С другой стороны, на более равновесный тип социальной структуры (D и С в правом верхнем квадрате) чаще указывали считающие себя принадле-

жащими к верхнему среднему и среднему классу, те, кому не досаждают материально-финансовые проблемы, кто получил более высокое образование. Те же, кто находится за пределами социальной структуры — студенты, учащиеся — склонны скорее идеализировать ее тип без явного предпочтения одного из предложенных для выбора вариантов; статистический анализ определил их место ближе к типу Е. Они еще пребывают как бы за пределами “миров неравенства”, что естественно для их жизненной ситуации.

В левых от вертикальной оси квадратах, в области типа А, расположены 14 из 30 предикторов (46,7%). Отказ от использования в числе предикторов “мужчина”, “женщина”, “город”, “село” имел прагматическую направленность: уменьшить количество точек в двумерном графике. Попутно обнаружилось, что инерция возросла, а значение χ^2 несколько уменьшилось, не сказавшись на уровне значимости. Поэтому в статью вошел рисунок с 30 предикторами.

Матрица для анализа частоты контактов с теми, кто беднее опрошенных, состояла из 7 строк и 34 столбцов, полученное значение χ^2 определяло, что гипотеза о независимости строк и столбцов может оказаться справедливой менее, чем в 0,01% случаев (это же верно и для контактов с людьми, которые богаче опрошенных). Частоты распределились по четырем квадратам двумерного графика (рис. 6). В правом верхнем квадрате принадлежащие к низшему классу и испытывающие материально-финансовые трудности (“очень сложно” сводить концы с концами) “НИКОГДА” не вступают в контакт с более бедными людьми. По диагонали, в левом нижнем квадрате, “МЕНЕЕ ОДНОГО РАЗА В МЕСЯЦ” замечают более бедных те, кто с трудом справляется с удовлетворением насущных потребностей (“скорее сложно сводить концы с концами”), принадлежащие к нижнему среднему и рабочему классу, мужчины, респонденты с неполным средним образованием. И крайне редко сталкиваются (видят, разговаривают) с более бедными на улицах и в транспорте люди обеспеченные, “очень легко” сводящие концы с концами в повседневной жизни.

В правом нижнем квадрате сосредоточены признаки тех, кто едва ли не каждый день фиксирует присутствие более бедных (“ЕЖЕДНЕВНО”, “НЕСКОЛЬКО РАЗ В НЕДЕЛЮ”). Их замечают женщины чаще мужчин, скорее в городе, чем в сельской местности, индивиды с высшим образованием и причислившие себя к верхнему среднему классу, а не столь часто (“ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ”, “НЕСКОЛЬКО РАЗ В МЕСЯЦ”) — левый верхний квадрат — молодые люди (18–29), опрошенные в западных областях страны, безработные.

Ситуация контактов с богатыми и схожа, и отлична от ситуации контактов с бедными. С соотечественниками богаче себя не вступают в контакт чаще те, кто отнес себя к низшему и среднему классу, женщины, горожане, те, кто едва-едва сводит концы с концами, не закончившие высшие учебные заведения (рис. 7, правый верхний квадрат). И так же, как в ситуации с более бедными, большая часть принадлежащих к верхнему среднему классу, с высоким доходом “ЕЖЕДНЕВНО” и “НЕСКОЛЬКО РАЗ В НЕДЕЛЮ” фиксируют присутствие более богатых людей (левый верхний квадрат). Но здесь же мы видим и многочисленный “средний класс”, представители которого постоянно замечают тех, кто богаче их.

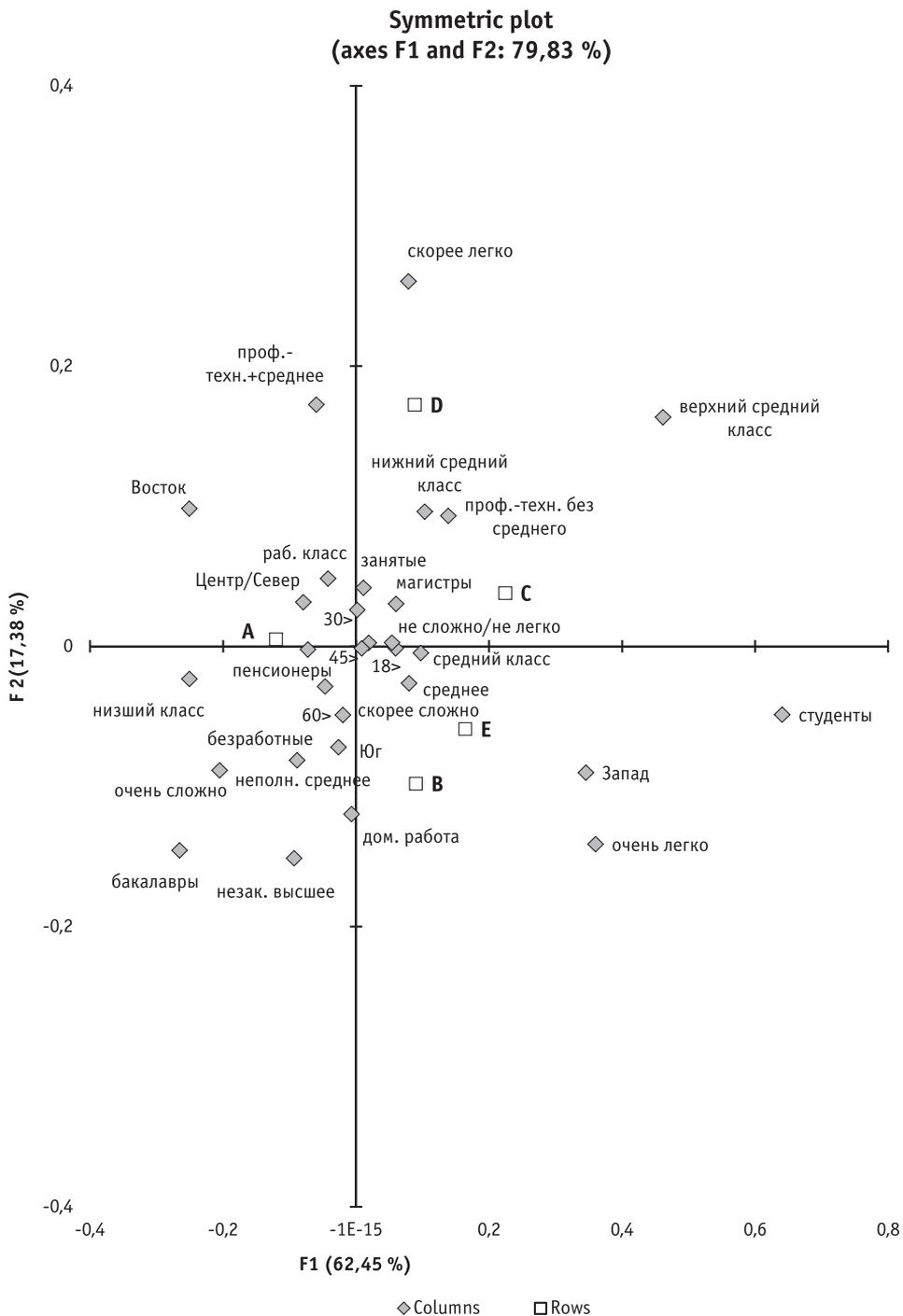

Рис. 5. Выбор модели распределения людей в украинском обществе в зависимости от социально-демографических характеристик

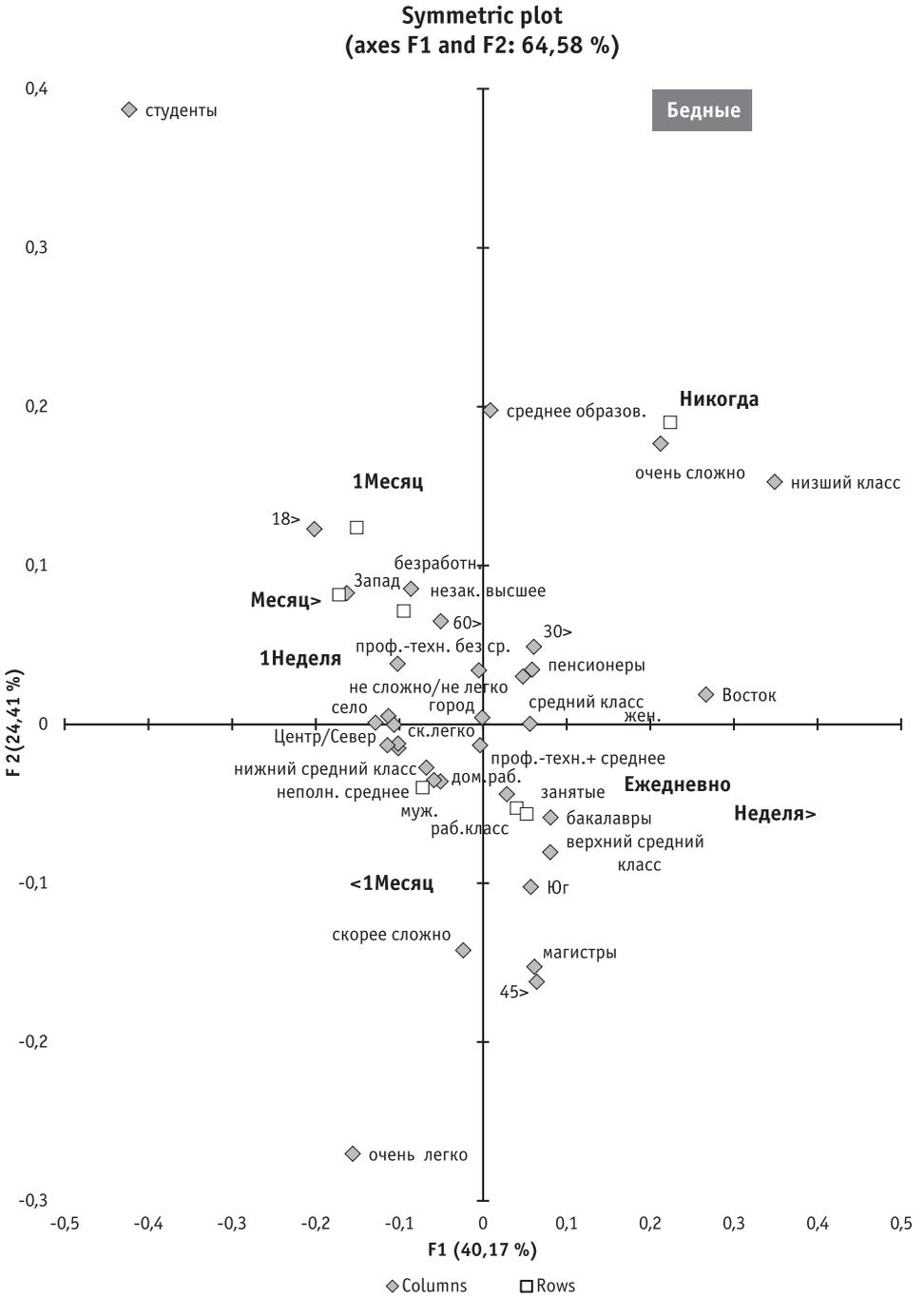

Рис. 6. Частота контактов с людьми, которые беднее респондента, в зависимости от социально-демографических характеристик

Довольно редко (“МЕНЕЕ ОДНОГО РАЗА В МЕСЯЦ”) контактируют с богатыми большинство пенсионеров, респонденты старше 60 лет, люди, получившие специальность в профессионально-технических училищах без среднего образования. “ОДИН РАЗ В НЕДЕЛЮ” и “НЕСКОЛЬКО РАЗ В МЕСЯЦ” (рис. 7, левый нижний квадрат) — чаще в западном регионе страны, мужчины, молодежь до 30 лет, безработные.

Во всех 12 квадратах рисунков 5–7 показатели предикторов не образуют устойчивых констелляций. В каждой из трех независимых переменных в квадратах они сочетаются по-новому, свидетельствуя о своей автономии, распознавательном и различающем потенциале. “Рабочий класс” ни разу не встречается в квадрате с “нижним средним классом”, а “очень просто” сводящие концы с концами — всего один раз с “верхним средним классом” (“ЕЖЕДНЕВНО” контактируют с более богатыми людьми) — при том, что в выборке и тех, и других очень мало. За единственным исключением: причислившие себя к низшему классу, а также признавшие в тяжелом материальном положении (“очень сложно” сводить концы с концами) образуют устойчивую пару. Их близость не случайна, поскольку 60% респондентов, поведавших о серьезных бытовых трудностях, отнесли себя к низшему классу.

Интерпретация результатов

Уже одно то, что представленные в семи рисунках картины имеют один источник — существующее и наблюдаемое неравенство — предполагает, несмотря на очевидные отличия, взаимосвязь. Вопрос, иначе говоря, состоит и в том, какая из картин вправе претендовать на большее сходство с “реальностью”, и в том, насколько они соотносимы. Отличия требуют пусть не исчерпывающих истолкований, но внятных и в известной степени убедительных. Близлежащая возможная проясняющая версия общеизвестна и, быть может, оттого не часто воспроизводится в основанных на эмпирических данных текстах о стратификации.

В любой выборке количественного обследования отсутствуют как самые богатые, так и самые бедные. Те, по-другому, маргинальные, недоступные для интервьюирования слои населения, которые заведомо усредняют выборку, уменьшая диапазон ее стратифицированности. Во многих случаях, для прогнозирования, скажем, электорального поведения, данное обстоятельство не имеет значения. Не совсем так обстоят дела в социологии неравенства. Еще и потому, что индивиды, как неоднократно подтверждено для самых разных стран, в иерархических шкалах размещения или принадлежности отдадут предпочтение средним значениям. Происходит уклонение от самостигматизации — то ли (что не установлено достоверно) из потребности получше представить себя другим в процессе интервьюирования, то ли вследствие повышенной чувствительности к воображаемому ущербу достоинства, вычитываемого респондентами из предлагаемого выбора в интервале “высший — низший; наверху — внизу”.

Безразлично, какое арифметическое действие — умножение, деление, сложение, вычитание — происходит тогда, когда “усредненная” выборка дополняется усредняющей тенденцией в процессе отнесения к классу или размещения на социальной лестнице. Существеннее другое: социолог не имеет

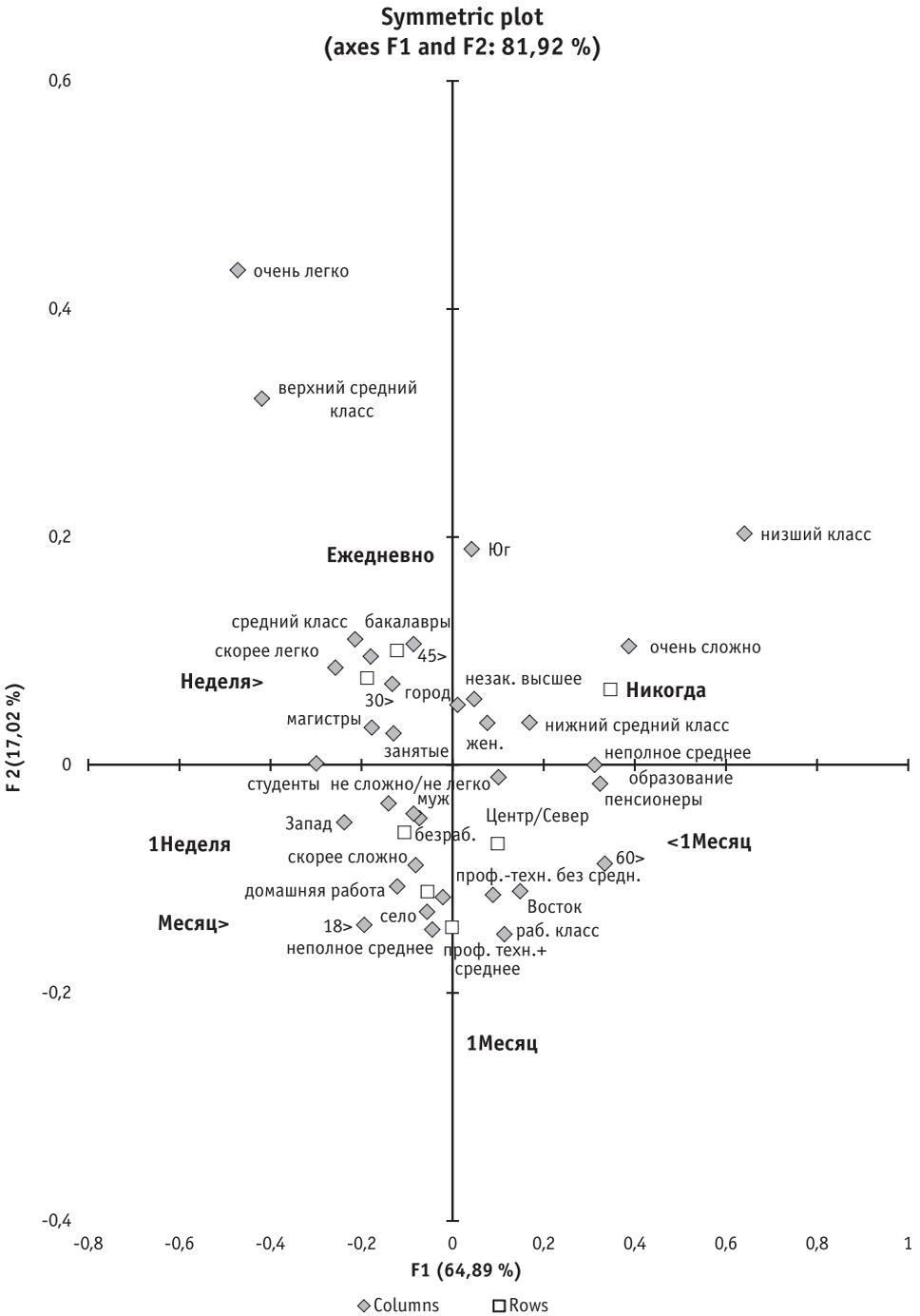

Рис. 7. Частота контактов с людьми, которые богаче респондента, в зависимости от социально-демографических характеристик

права утверждать, будто данные о самоидентификации с классом (рис. 4) или с позицией на социальной лестнице (рис. 2) являются сколько-нибудь точной репрезентацией социальной структуры общества или наличного неравенства. Положение спасал бы некий поправочный коэффициент, но его значения находятся, увы, в области невычисляемого. Отсюда следует обязанность предъявлять уместные контексты, в пределах которых полученные данные имеют смысл и значение.

В одной из группировок, произведенных авторами (рис. 3), выходит так, что половина населения (48%) относит себя к “жизненному миру умеренного неравенства”. А при другом способе — 31%. Если воздержаться, а это обязательно, от попытки соотнести такие цифры с реальностью, то содержательность сохраняют два высказывания. Прежде всего, индивиды твердо разграничивают два объекта любительской квалиметрии: неравенство в стране и “неравенство пребывания”, непосредственно ощущаемых беспокойств, огорчений, тревоги. “Неравенство пребывания”, в свой черед, аттестуется исходя из некоей “украинской мерки”, концентрата факторов и подробностей места и времени, безотносительных к глобальному (межгосударственному) контексту. Локальное здесь решительно берет верх, доминирует: мы “средние” по нашим меркам, для внутреннего пользования.

Из одномерного распределения первичных данных о контактах с более богатыми и более бедными известно, что с более богатыми “НИКОГДА” не встречались 16% населения страны, а с более бедными — 8%. Очевидная констатация: бедных больше и вероятность встретить их выше. Но на рисунке 6 видно, что эту опцию выбирают преимущественно считающие себя низшим классом и едва сводящие концы с концами. В то же время те, кто “НИКОГДА” не контактировал с более бедными, фактически сообщают о том, что они и есть самые бедные. По самооценкам в разных показателях величина этого слоя определяется в диапазоне 8–10%: на первой ступени лестницы себя разместили 9%, к “нижнему классу” отнесли 10%, “НИКОГДА” не контактировали с более бедными 8%.

Респонденты, составляющие этот низший социальный слой, сосредоточены на собственных сложных проблемах повседневного существования, их усилия, их внимание обращены на себя, как бы внутрь. За горизонт внутренних забот и волнений взгляд не проникает: 60% тех, кто “НИКОГДА” не контактирует с более бедными, так же “НИКОГДА” не контактирует с более богатыми. Дистанция велика, не позволяет различать далеко отстоящих, укрепляя замкнутость, обособленность и, не исключено, безразличие ко всему внешнему. Впрочем, подобные утверждения имеют статус не более чем гипотез, подлежащих фальсификации или верификации.

В выборке 20% опрошенных “ЕЖЕДНЕВНО” отмечают присутствие в своем повседневном опыте намного более богатых людей (42% — намного более бедных). Отсюда никак не установить, насколько их (богатых) много. Но в левом верхнем квадрате присутствуют индикаторы “высший средний класс”, “средний класс”, “очень просто” сводить концы с концами, бакалавры, магистры и люди в самом продуктивном возрасте 30–50 лет, что позволяет говорить о не лишенных содержания коннотациях (рис. 7). Индивиды с такими характеристиками и приписанными себе определениями восприимчивы к имущественным и социальным различиям. Среди тех, кто “НИКОГДА” не контактировал с людьми более богатыми, 30% “НИКОГДА” не встречались с более бедными, тогда как бедные массово не замечают более богатых.

Более образованные, обеспеченные, с высокой самооценкой статуса чаще обращают внимание на ситуации вне своего круга принадлежности. Более богатых людей “ЕЖЕДНЕВНО” и “НЕСКОЛЬКО РАЗ В НЕДЕЛЮ” видит каждый третий респондент (33%), а более бедных три пятых населения страны (60%). Присутствие в восприятии полюсов в обладании имуществом и в благосостоянии становится, скорее всего, импульсом различать “неравенство в стране” и “неравенство в повседневной жизни”, а также выносить им неравноценные оценки: более строгие — стране, более умеренные — своему положению в обществе. В самоописании статуса опрошенные умеренны: они не очень богаты (богаты другие), и не бедны (бедны другие).

Заключительные утверждения о восприятии неравенства

Восприятие неравенства — что люди думают о неравенстве, как его представляют и как его оценивают — представляет для исследователя самую что ни на есть “объективную реальность”, подлежащую теоретической и эмпирической интерпретации.

Получаемые в количественных обследованиях распределения по “мирам неравенства” являются приблизительными оценками “реальной” стратифицированности украинского общества. Полученные данные позволяют, тем не менее, утверждать, что нижний слой составляет 8–10%, а среди его очевидных качеств преобладают замкнутость, сосредоточенность на собственных проблемах материально-финансового существования, дистанцированность от прочих стратификационных порядков.

Индивиды различают два контекста. Один относится к стране, предполагает асимметричное неравенство (тип А в моделях общества), характеризуя степень стратифицированности в Украине в целом. Другой контекст имеет отношение к жизненной ситуации людей — здесь доминирует тенденция к усреднению самооценок статуса и материального положения с применением локальных критериев их калькуляции.

Толерантность к неравенству, равно как и безразличие к нему, продуцируются как конкретными жизненными обстоятельствами, так и событиями, не только дестабилизирующими уклады повседневного существования, но и оказывающими уравнивающее воздействие на восприятие порядков стратификации, деактуализируя проблему неравенства, понижая ее статус в общественной повестке дня. Сравнение с данными модуля “Социальное неравенство-IV” от 2009 года позволит обнаружить тенденции в отношении к неравенству после непроцедурной смены власти в Украине в 2014 году, войны на востоке страны, экономического кризиса и основательной смены политического спектра кадров законодательных и исполнительных органов власти на выборах 2019 года.

Источники /References

Azmanova, A. (2020). *Capitalism on Edge. How fighting precarity can achieve radical change without crisis or utopia*. New York: Oxford University Press.

Berger, R., Grusky, D., Raffel, T., Samuels, G., Wimer, C. (2010). *The Inequality Puzzle: European and US Leaders Discuss Rising Income Inequality*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.

Bottero, W. (2020). *A Sense of Inequality*. London, New York: Rowman & Littlefield International, Ltd.

Gimpelson, V., Treisman, D. (2015). *Misperceiving Inequality*. Cambridge: *NBER Working Paper Series, Working Paper 21174*. Retrieved from: <http://www.nber.org/papers/w21174>.

Fararo, T., Kosaka, K. (2003). *Generating Images of Stratification: A Formal Theory*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Irwin, S. (2018). Lay Perceptions of Inequality and Social Structure. *Sociology*, 52 (2), 211–227.

Lindemann, K., Saar, E. (2014). Contextual Affects on Subjective Social Position: Evidence from European Countries. *International Journal of Comparative Studies*, 55 (1), 3–23.

Pain, K. (2017). *The Broken Ladder: how inequality affects the way we think, live, and die*. New York: Viking.

Scheidel, W. (2017). *The Great Leveler. Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Получено/Received 05. 06. 2020

НАТАЛІЯ КОВАЛІСКО, СЕРГІЙ МАКЕЄВ

Різноманітність і відносна автономність уявлень населення України про соціальну нерівність

У сучасній літературі емпірично підтверджена залежність оцінок нерівності від ситуації, в яку занурений індивід, тобто від деякої констеляції обставин місця і часу, що зумовлює міру доступності життєво значущих благ і можливостей. Її переживання та осмислення відшаровується в досвід, що визначає модальність особисто висловлюваних ціннісно забарвлених суджень. Загалом, хоча сприйняття нерівності не збігається з “реальністю”, вона залишається значущою безвідносно до цього, позаяк здатна бути найбільшчим мотивом політичної дії — протестного голосування на виборах, участі в акціях з вимогою зміни наявного стану справ з доходами і добробутом. У статті обґрунтовується підхід до сприйняття нерівності як до самодостатньої фактичності. На даних, отриманих в опитуванні за модулем “Соціальна нерівність–V” Міжнародного проекту соціального дослідження (ISSP), показано, що різної категоричності оцінки респондентами нерівності відносяться до двох об’єктів: до країни загалом та до їхньої конкретної життєвої ситуації. Оскільки діапазон сприйняття завжди має прояв у межах від “глибокої нерівності” до “невизнання нерівності”, остільки соціальний простір диференціюється на “світи нерівності”, різні за масштабом. Виходячи з відповідей на запитання щодо розміщення на конкретних щаблях соціальної драбини, матеріально-фінансового становища сім’ї та належності до того чи іншого класу, зроблено кількісні оцінки кожного з цих світів. У той же час отриманий у кількісному обстеженні розподіл за “світами нерівності” є не більше ніж приблизною оцінкою “реальної” стратифікації українського суспільства. Описано й проінтерпретовано результати аналізу відповідностей (correspondence analyses) між оцінками нерівності та 34 предикторами їх винесення.

Ключові слова: соціальна структура, нерівність, стратифікація, статус, клас, страта, соціальна драбина

НАТАЛІЯ КОВАЛІСКО, СЕРГЕЙ МАКЕЄВ

Разнообразие и относительная автономность представлений населения Украины о социальном неравенстве

В современной литературе эмпирически подтверждена зависимость оценок неравенства от ситуации, в которую погружен индивид, то есть от некоторой констеляции обстоя-

тельств места и времени, обуславливающих меру доступности жизненно важных благ и возможностей. Переживание и осмысление ситуации отслаивается в опыт, определяет модальность лично высказываемых ценностно окрашенных суждений. Хотя восприятие неравенства не совпадает с “реальностью”, оно остается значимым безотносительно к ней, поскольку способно быть ближайшим мотивом политического действия — протестного голосования на выборах, участия в акциях с требованием изменения существующего положения дел с доходами и благосостоянием. В статье обосновывается подход к восприятию неравенства как к самодостаточной фактичности. На данных, полученных в опросе по модулю “Социальное неравенство–V” Международного проекта социального исследования (ISSP), показано, что не совпадающие по категоричности оценки со стороны респондентов неравенства относятся к двум объектам: к стране в целом и к их конкретной жизненной ситуации. Поскольку диапазон восприятия всегда проявляется в пределах от “глубокого неравенства” до “непризнания неравенства”, постольку социальное пространство дифференцируется на не совпадающие по масштабу “миры неравенства”. Исходя из ответов на вопросы о положении на конкретной ступени социальной лестницы, материально-финансовом положении семьи и принадлежности к тому или иному классу, даются количественные оценки каждого из миров. В то же время полученное в количественном обследовании распределение по “мирам неравенства” является не более чем приближительной оценкой “реальной” стратифицированности украинского общества. Описываются и интерпретируются результаты анализа соответствий (correspondence analyses) между оценками неравенства и 34 предикторами их вынесения.

Ключевые слова: класс, неравенство, слой, социальная лестница, социальная структура, статус, стратификация

NATALIA KOVALISKO, SERHII MAKEEV

Diversity and relative autonomy of the representation of the Ukrainian population about social inequality

In modern literature, the dependence of inequality estimates on the situation in which the individual is immersed, i.e. on some constellation of place and time circumstances which determines the degree of availability of vital benefits and opportunities, has been empirically confirmed. Experiencing and comprehending this situation exfoliates into experience, determines the modality of personally expressed value-colored judgments.exfoliated into experience, which determines the modality of personally expressed value-based judgments. In general, although the perception of inequality does not coincide with “reality”, it remains significant regardless of this, as it can be the immediate motive for political action — protest voting in elections, participation in actions demanding a change in the current state of income and welfare. The article substantiates the approach to the perception of inequality as a self-sufficient factuality. The data obtained in the survey on the module “Social Inequality–V” of the International Social Research Project (ISSP) show that respondents are of different categorical assessment of inequality to two objects: the country as a whole and their specific life situation.

Since the range of perception always manifests itself in the range from “deep inequality” to “non-recognition of inequality,” the social space is differentiated into “worlds of inequality” that do not coincide in scale. Based on the answers to the questions about the placement on specific levels of the social ladder, the financial situation of the family and belonging to a particular class, quantitative assessments of each of these worlds have been made. At the same time, the distribution over the “worlds of inequality” obtained in the quantitative survey is nothing more than an approximate assessment of the “real” stratification of Ukrainian society. The results of the correspondence analysis between the estimates of inequality and the 34 predictors of their passing have been described and interpreted.

Keywords: social structure, inequality, stratification, status, class, stratum, social ladder